

В.А. Кузнецов*

**ОТ ОКЕАНА ДО ЗАЛИВА:
ИДЕНТИЧНОСТЬ ОДНОГО РЕГИОНА
В УСЛОВИЯХ НЕОМОДЕРНА****

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения Российской академии наук»
107031, Москва, ул. Рождественка, 12*

Статья посвящена исследованию специфики международных отношений в Западной Азии и Северной Африке (ЗАСА) в контексте перестройки современной системы мировой политики. Автор предлагает рассматривать проблему складывания нового миропорядка через призму развернувшихся в настоящий момент процессов фундаментальной трансформации общественной жизни, которые могут быть описаны как переход от состояния постмодерна к неомодерну. На основе анализа теоретических работ по постпостмодернизму был рассмотрен феномен неомодерна, выделены его ключевые черты. Подобный подход позволяет по-новому взглянуть на содержание и возможный будущий облик формирующегося нового мирового порядка. Его отличительными чертами, по мнению автора, станут подвижность, гибкость, неустойчивость, из которых будут вытекать и множественность коллективных идентичностей, и множественность внешнеполитических нарративов, усиление роли идеологических факторов, нарастание секьюритизации международных отношений. Автор констатирует, что пространство ЗАСА уже оказалось охвачено данной глобальной трансформацией, и рассмотрение региональных процессов через призму концепции «неомодерна» позволяет выявить сосуществование там двух способов политической самоидентификации и соответственно двух вариантов выстраивания региональной системы отношений. В одном варианте ЗАСА понимается по-модернистски как Ближний Восток, во втором — в домодерном духе — как часть исламского мира. Природа акторов, роль политических нарративов, отношение к границам и

---

* *Кузнецов Василий Александрович* — кандидат исторических наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vasiakuznets@yandex.ru).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 17-18-01614 «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз».

суверенитету, само восприятие принципов миропорядка становятся теми сферами, в которых ближневосточный концепт международных отношений принципиально противоречит исламскому. И если первый в пространстве ЗАСА проходит испытание постмодернистским релятивизмом, а отдельные его элементы размываются, то второй, напротив, вновь становится актуальным. При этом, как подчеркивает автор, в рамках неомодерна оба концепта получают возможность параллельной реализации, обуславливая неоднозначность, амбивалентность картины региональной подсистемы международных отношений, которая и станет важнейшей чертой нового века.

Ключевые слова: Западная Азия и Северная Африка, ЗАСА, неомодерн, Ближний Восток, исламский мир, постмодернизм, домодерн, мировой порядок.

Настоящая статья посвящена изучению специфики формирования международных отношений в условиях трансформации мировой политики в географическом пространстве¹, ограниченном Атлантическим океаном на западе и Персидским заливом на востоке и традиционно обозначаемом в арабской историографии как земли «от Океана до Залива». В последнее время в западной и отечественной литературе это пространство все чаще описывается как Западная Азия и Северная Африка (ЗАСА)². Цель статьи состоит в определении возможных стратегий трансформации

---

¹ Мы используем понятие «пространство» (а не «регион» или «территория») преднамеренно, разделяя точку зрения отечественного специалиста Н.А. Косолапова о том, что «организованная территория становится пространством», т.е. «виртуальной конструкцией, создаваемой <...> ради организации представлений, на основе и при помощи которых могут выстраиваться и воспроизводиться социальная практика и/или ее часть» [Косолапов, 2005: 3]. Имея внутреннюю структуру, осознаваемую как определенное единство (в отличие от территории), пространство вместе с тем может не обладать политической субъектностью международно-политического региона. Под последним при этом понимается «относительно самостоятельная подсистема межгосударственных отношений, объединенных прежде всего общностью определенных, присущих именно данному региону политических проблем и соответствующих им отношений» [Гантман и др., 1984: 363; Воскресенский, 2012].

² Географически речь идет о той же территории, которая обычно обозначается как Ближний Восток и Северная Африка (БВСА), или просто Ближний Восток (БВ). В настоящей статье, как будет показано далее, под БВ понимается определенная концепция. Понятия «от Океана до Залива» и ЗАСА используются нами как более нейтральные. Подобная идея в отечественной литературе уже выдвигалась (см., например: [Махмутов, Мамедов, 2017]).

региональной идентичности в ЗАСА в новых мирополитических условиях.

Для ближневосточных исследований эта проблематика, конечно, не нова: теме выстраивания международных отношений в ЗАСА, роли Ближнего Востока в современной системе мировой политики посвящен огромный корпус литературы. Однако в основной ее части исследовательское внимание сосредоточивается на анализе актуальных региональных проблем международных отношений, а задача последовательного их вписания в глобальные мирополитические трансформационные процессы, как правило, даже не ставится. К этой проблематике отчасти приближается корпус исследований, авторы которых рассматривают региональные отношения в ЗАСА с учетом колоссальной роли внерегиональных игроков и через призму их внешнеполитических стратегий (в первую очередь это относится к России и Соединенным Штатам, взаимоотношения которых в ЗАСА в последние годы стали едва ли не самостоятельным направлением научных изысканий [яркие примеры: Васильев, 2018; Шумилин, 2015]). Вместе с тем в этих работах само пространство ЗАСА и расположенные там страны оказываются скорее объектами действия внешних сил, чем субъектами мировой политики.

В России лишь в последние годы наметилась тенденция к сближению собственно ближневосточных исследований с изучением более общих трендов мировой политики. Среди работ, посвященных этой проблематике, особого внимания заслуживают публикации В.В. Наумкина, И.Д. Звягельской, К.М. Труевцева, принадлежащих в целом к той же школе ближневосточных исследований, что и автор настоящей статьи. Все эти авторы, специализируясь изначально на ближневосточной проблематике, пытаются концептуализировать анализ региональных процессов, связав их с более общими проблемами мировой политики. Так или иначе, собственно ближневосточная повестка остается для них ключевой.

Так, в статье «После постмодерна: ближневосточное измерение одного тренда» [Кузнецов, 2017] мы уже намечали общие контуры исследования взаимосвязей между изменением ситуации на Ближнем Востоке и глобальной мирополитической трансформацией, обозначенной нами как завершение эпохи постмодерна. Эти идеи нашли развитие в опубликованной в соавторстве с И.Д. Звягельской статье «Государственность на Ближнем Востоке. Будущее началось вчера» [Звягельская, Кузнецов, 2017].

Продолжая разработку темы, И.Д. Звягельская в своей недавно опубликованной монографии «Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении» сравнивала эффекты от влияния глобальных тенденций развития на политические процессы в двух регионах [Звягельская, 2018]. Академики В.В. Наумкин и В.Г. Барановский, написавшие вводную главу к коллективной монографии «Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте», со своей стороны сосредоточили внимание как на специфическом преломлении глобальных мегатрендов на Ближнем Востоке, так и на формировании особых региональных трендов, определявших в значительной степени внутрирегиональную международную среду [Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте, 2018]. В 2019 г. должно выйти продолжение этой работы, основанное на анализе конкретных страновых кейсов. Наконец, необходимо упомянуть и статью «Western Asia and North Africa in the neo-modernity context: Between the Middle East and the Islamic World», опубликованную в журнале «Russia in Global Affairs» [Kuznetsov, 2019]: высказанные в ней идеи легли в основу настоящего текста.

Другой подход можно обнаружить у авторов-международников, обращающихся к проблемам ЗАСА как к частному примеру в рамках исследований общих проблем истории международных отношений. Довольно распространенным стал поиск аналогий для текущей ситуации в регионе во всемирной (а на самом деле — лишь в европейской) истории. С. Сазак [Sazak, 2016] и Л. Камель [Kamel, 2019], с одной стороны, и Б. Симмс с коллегами³ — с другой спорят о возможностях установления «ближневосточного Вестфалья» после окончания «новой Тридцатилетней войны». В этой же логике еще раньше строил свои рассуждения российский посол П. Стегний, противопоставлявший вестфальскому формату на Ближнем Востоке версальский⁴, что наводило на мысль о сравнении текущей ситуации не с Тридцатилетней, а с Первой мировой войной. Авторы более прикладных работ обращаются к опыту Хельсинки, Рабочей группы по контролю над вооружениями и региональной безопасности на Ближнем Востоке, созданной на московской площадке многостороннего

---

³ Simms B., Axworthy M., Milton P. Ending the new Thirty Years War // NewStatesman. 2016. Available at: <http://www.newstatesman.com/politics/uk/2016/01/ending-new-thirty-years-war> (accessed: 01.02.2019).

⁴ Стегний П.В. Ближний Восток: по-версальски или по-вестфальски? // Россия в глобальной политике. 2012. № 6. Доступ: <https://globalaffairs.ru/number/Blizhniivostok-po-versalski-ili-po-vestfalski-15785> (дата обращения: 15.02.2019).

ближневосточного урегулирования в 1992 г. [Махмутов, Мамедов, 2017], АСЕАН [Mahbubani, 2017] или Африканского союза [Harrison, 2016].

Довольно любопытной в контексте этих исследований представляется полемика, развернувшаяся весной 2019 г. вокруг учебника А.В. Фененко «История международных отношений: 1648–1945» [Фененко, 2018], когда в ответ на довольно жесткую рецензию А. Куприянова «История МО: попытка описания»⁵ коллеги А.В. Фененко В.А. Веселов и Т. Алексеева опубликовали две контррецензии⁶.

ЗАСА упоминается в этих трех текстах лишь по касательной, однако центральный вопрос дискуссии вполне актуален и для всех упомянутых ранее исследований: до какой степени европейский опыт истории международных отношений, прежде всего в домодерную эпоху, универсален и может быть применен к иным регионам? И соответственно: надо ли относиться к формулам ближневосточных тридцатилетних войн, вестфалей, версалея, хельсинки и т.д. именно как к тем или иным образом реализуемым политическим моделям или же как к метафорам?

Вместе с тем последовательный отход от европоцентризма, абсолютизация изначальной особенности каждой культурно-цивилизационной общности (как их ни определяй) и присущих ей подходов к выстраиванию международных отношений могут вести к обратной стороне европоцентризма — ориентализму. В рамках мирополитических исследований это, конечно, не означает неправомочности изучения альтернативных моделей понимания мировой политики, однако заставляет относиться к ним с чрезвычайной осторожностью. Среди, безусловно, удачных работ, выполненных в этом направлении, стоит упомянуть ряд публикаций, посвященных проблемам субъектности исламского мира: монографию С. Айдына «The idea of the Muslim world. A global intellectual history» [Aydin, 2017], статьи российских ис-

---

⁵ Куприянов А. История МО: попытка описания // РСМД. 17.05.2019. Доступ: <https://globalaffairs.ru/number/Istoriya-MO-popytka-opisaniya-20045> (дата обращения: 16.06.2019).

⁶ Веселов В.А. Как анализировать историю международных отношений? // Россия в глобальной политике. 22.05.2019. Доступ: https://globalaffairs.ru/global-processes/Kak-analizirovat-istoriyu-mezhdunarodnykh-otnoshenii-20050?fbclid=IwAR1j90IUZYesJoY-KleulBNkdJFV4RYfjenc_4n6cxSDLird0WvxQaYkAx4 (дата обращения: 16.06.2019); Алексеева Т. Как примирить историков и политологов? // РСМД. 31.05.2019. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kak-primirit-istorikov-i-politologov/?fbclid=IwAR3TzGV7ta3VJX4zqxHhg51oQ3tViuOSULQ6tICHw8jKdwTArVRYfGNtTME> (дата обращения: 16.06.2019).

следователей В.В. Наумкина [Наумкин, 2008], В.Г. Барановского [Барановский, 2017], Л.Л. Фитуни и И.О. Абрамовой [Фитуни, Абрамова, 2018].

В соответствующих разделах статьи мы будем возвращаться к идеям, высказывавшимся в упомянутых публикациях, однако прежде имеет смысл сформулировать ключевые тезисы, раскрытию которых и будут посвящены эти разделы.

1. Новый мировой порядок, дискуссии о котором обрели особую популярность в последние несколько лет, представляет собой международно-политическую проекцию того, что в других сферах общественной жизни и общественного сознания может быть названо «состоянием неомодерна» или схожими терминами.

2. Само понятие «Ближний Восток» (БВ) должно рассматриваться как маркер определенной парадигмы, созданной в эпоху модерна. Его изначальная идеологическая наполненность вменяла международным акторам определенный тип политического поведения и предписывала выстраивание специфической системы региональных отношений и специфическую региональную идентичность.

3. Альтернативой концепции «Ближнего Востока» может считаться концепция «исламского мира», содержащая в себе домодерное идеологическое наполнение.

4. В эпоху постмодерна началось размывание БВ и реактуализировалась идея исламского мира.

5. В эпоху неомодерна международные отношения на пространстве ЗАСА будут колебаться между моделями БВ и исламского мира.

Неомодерн вместо нового мирового порядка

Несмотря на то что в науке о международных отношениях до сих пор еще продолжают ожесточенные споры относительно наполнения и границ понятий «мировой порядок» («миропорядок») и «система международных отношений» [Дунаев, 2013], общий смысл словосочетания «мировой порядок» более или менее ясен. В дальнейшем мы будем опираться на его определение, предложенное отечественным специалистом А.И. Никитиным: «...относительно устойчивое и достаточно стабильное, хотя и ограниченное в историческом времени состояние международной системы, характеризующееся господством признаваемых большинством акторов (государственных и негосударственных)

правил поведения на международной арене и основанное на балансе сил и интересов ведущих мировых держав и политических сил» [Никитин, 2018: 32].

Тезисы о кризисе миропорядка, его «критической неустойчивости», «снижающейся эффективности функционирования международных институтов» и «падении доверия к ним» [Лапкин, 2018: 37; см. также: Naas, 2014; Алексеенкова, 2015], ставшие в последние годы совершенно обыденными, начали входить в оборот международных исследований еще в начале 1990-х годов — в сущности, сразу после краха биполярной системы отношений. Никогда толком не кончавшиеся на протяжении более двух десятилетий дискуссии вспыхнули с новой силой после украинских событий 2014 г., обозначивших, с преобладающей в России точки зрения, коренной поворот в отношениях Москвы и стран Запада. Проявившееся в это время настойчивое стремление российских политического и академического сообществ заявить о становлении нового миропорядка естественным образом поставило вопрос о периодизации.

Либо в 2014 г. мир вошел в какой-то совершенно новый период развития, и тогда речь должна идти о существовании некоего специфического (видимо, однополярного) миропорядка ранее (1991–2014), либо же нет — и тогда нынешняя ситуация должна рассматриваться как новая фаза процессов, запущенных в 1990-е годы⁷. При том что у обеих точек зрения есть солидный набор сторонников и противников, споры между ними носят далеко не только академический характер. В сущности, речь идет о противостоянии двух (а в реальности — множества) принципиально разных политических концепций, каждая из которых призвана подвести интеллектуальную основу под внешнеполитические стратегии тех или иных игроков. Распространенный в России подход, в котором катастрофическое восприятие актуального положения дел [Барабанов и др., 2018] соседствует с заботой о построении нового мультиполярного (или полицентричного) мира [Барановский, 2017: 75], в этом контексте оказывается лишь одной из возможных политических программ, но далеко не единственной.

---

⁷А.И. Никитин и В.Г. Барановский выступают сторонниками второго подхода [Никитин, 2018: 33; Барановский, 2017: 72], В. Лапкин, Р. Хаас, Дж. Най [Лапкин, 2018: 38; Naas, 2008; Нье, 2015] и многие другие авторы — первого.

В означенной логике сама констатация кризиса может рассматриваться не как результат отстраненного анализа условно объективной реальности, но как выражение изменившегося самовосприятия акторов-наблюдателей. Москва, Пекин, Тегеран и другие говорят о кризисе, поскольку стремятся к пересмотру собственной роли в мировой политике и этим своим стремлением, с точки зрения апологетов status quo, этот кризис и создают⁸.

Вместе с тем подобный конструктивистский подход нельзя абсолютизировать. При всей значимости субъективных факторов разлад миропорядка связан, очевидно, и с некоторыми объективными элементами реальности: экономическим ростом в странах Азии, формированием нового технологического уклада, кризисом созданной в лоне европейской политической культуры модели национального государства и т.д. Соответственно и преодоление текущего кризиса, по всей видимости, должно стать, с одной стороны, компромиссом между несколькими мирополитическими проектами, а с другой — результатом приспособления международно-политической реальности к новым социально-экономическим и технологическим условиям.

Ситуацию при этом осложняет то, что сам окончательный состав ключевых игроков, которые будут участвовать в написании «правил игры», не определен и, вполне возможно, определен не будет. Кроме того, далеко не все из уже заявивших о себе «архитекторов» нового миропорядка готовы сформулировать собственные концепции его обустройства. Наконец, технологический переход еще не завершен, и его глобальные социально-экономические последствия не проявились в полной мере.

Всё это порождает неуверенность не только в общих контурах будущего миропорядка, но и в самой возможности его формирования. Конгломеративные теории современного мира, описанные А.Д. Богатуровым [Богатуров, 2018], напротив, получают дополнительные аргументы в свою пользу.

Ключевая проблема состоит в конечном счете в том, что любой автор, пытаясь описать контуры нового миропорядка, вынуж-

---

⁸См. об этом размышления А. Цыганкова и А. Сушенцова: Цыганков А. Эпоха полураспада: от миропорядка к миропереходу // Россия в глобальной политике. 15.05.2019. Доступ: <https://globalaffairs.ru/number/Epokha-poluraspada-ot-miroroyadka-k-miroperekhodu-20029> (дата обращения: 14.06.2019); Сушенцов А. Россия — глобальный ревизионист? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 12.06.2019. Доступ: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-globalny-revizionist/> (дата обращения: 14.06.2019).

ден не только исходить из уверенности, что он возможен, но и опираться на уже известные в истории модели его организации, причем концептуализированные на основе освоения прежде всего европейского опыта (вспомним дискуссию вокруг учебника А.В. Фененко). В этом причина очевидной вторичности всех построений, не учитывающих принципиальную непохожесть новых исторических условий.

Впрочем, на эту проблему можно посмотреть и иначе — не через призму науки о международных отношениях, а в более широкой перспективе.

Если рассматривать международные отношения как одну из сфер общественной жизни, формируемую общественным сознанием, то вполне правомочно будет соотнести дискуссии о миропорядке с рефлексией над другими сферами общественного развития.

Параллельно с размышлениями о кардинальных изменениях в мировой политике, хотя и с некоторым опережением, образ мира после «конца истории» активно разрабатывается и в других гуманитарных науках.

Больше 20 лет назад Ж. Бодрийяр заявил: «Года 2000 не будет. Он не произойдет просто потому, что история столетия уже закончилась, и мы лишь постоянно переживаем ее» [Бодрийяр, 1998]. Говоря о размывании границы между настоящим и будущим, фактическом упразднении и того, и другого, замене их симулякрами-«кажимостями», философ постулировал становление эпохи «постсовременности» (или постмодерности), органически не способной сказать о себе что-то новое и требующей вечного возвращения. Эти размышления конца XX в., однако, обозначили не открытие эпохи постмодерна, подступавшей с разных сторон уже пару десятилетий⁹, а скорее ее вхождение в завершающую стадию, когда постмодерн сначала из состояния ума интеллектуалов, а затем и из состояния культуры превратился в общественно-политическую обыденность, зачастую даже неосознаваемый способ мышления общества, предписывающий определенное политическое поведение.

XXI век принес с собой новую волну размышлений о мире «послемодерна». Уже в 2002 г. канадская исследовательница

---

⁹Текст «Cross the Border — Close the Gap» Лесли Фидлера появился впервые еще в 1968 г. (опубликован в 1969 г.), а «Состояние постмодерна» Ж.-Ф. Лиотара — в 1979 г.

Л. Хатчеон объявила о конце постмодерна: «Постмодернистский момент миновал, даже если его дискурсивные стратегии и идеологическая критика еще живы» [Hutcheon, 2002: 181]. Вслед за этим критическая теория, искусствознание и литературная критика наполнились многочисленными модернизмами с приставками: постпостмодернизм, automodernism [Samuels, 2008], digimodernism [Kirby, 2009], altermodernism [Bourriaud, 2009], трансмодернизм [Dussel, 2012], метамодернизм [Vermeulen, Van der Akker, 2010] и т.д. Концепция неомодерна, к которой мы апеллируем в настоящей статье, стоит с ними в одном ряду.

Различаясь в деталях, акцентируя внимание на разных аспектах современности, все эти теории оказываются едины в нескольких вещах.

Из самих их названий видно, что авторы описывают современность по отношению к эпохе модерна, превращаясь, так или иначе, в пленников истории, добровольно отказывающихся от свободы определения принципиально нового состояния бытия. Современность всегда мыслится ими одновременно как преодоление постмодерна и как его развитие. Будучи порожденными сознанием постмодерна, эти теории осмысливают мир после конца истории, предполагая тем самым отказ от ее телеологической заданности и, следовательно, невозможность полного возвращения на круги модерна¹⁰. При этом все подобные размышления исполнены серьезности и стремления к поиску новых смыслов, некоторым даже раздражением от вездесущей постмодернистской иронии, делающей невозможными ответы на новые вызовы бытия. Эта серьезность порождена осознанием принципиально нового экономического, технологического и информационного состояния современного мира. Глобализация для этих авторов — уже не абстрактный проект, а свершившийся факт. Отсюда — отказ от европоцентризма, новое пространственное восприятие, идея «культурных кочевников» Н. Буррио [Bourriaud, 2009], цивилизационный и культурный плюрализм, свойственный трансмодернизму, что, между прочим, в конечном счете должно вести и к позитивному отношению к концепции «множественности модерна» Ш. Эйзенштадта [Eisenstadt, 2000].

Концепция неомодерна, в отличие от других, в большей мере ориентированная на анализ политического, нежели эсте-

---

¹⁰ Наиболее четко это выражено в теории метамодерна [Vermeulen, Van der Akker, 2010: 5].

тического, акцентирует внимание на четырех принципиальных моментах, уже ярко проявившихся в политической практике отдельных государств в самых разных регионах, но в меньшей степени проанализированных в приложении к международным отношениям [Кортунов, 2017].

Во-первых, это поиск нового меседжа, стремление к выстраиванию новых больших нарративов при отсутствии полной веры в них.

Во-вторых, осознание принципиальной неустойчивости, промежуточности нового состояния мира, которые, однако, не могут и не должны быть преодолены.

В-третьих, обращение ко всему историческому опыту, инструментализация истории, широкое применение домодерных, архаических практик в поисках нового нарратива.

Наконец, в-четвертых, неизбежность использования пост-модернистского инструментария (иронии, скепсиса, игры) при формулировании искомого меседжа.

Если соотнести эти четыре пункта с предыдущими рассуждениями о формировании нового миропорядка, то можно обозначить несколько его принципиальных черт в свете идеи неомодерна.

1. Новый мировой порядок, каким бы он ни был, должен быть подвижным, гибким, малоформализованным и априори неустойчивым.

2. Состав формирующих его акторов не может быть четко определен, сами эти акторы будут подвижны и разнородны, присущая каждому из них множественность идентичностей будет предопределять сложность выработки их политических стратегий и множественность самых разных внешнеполитических нарративов.

3. Нарратив — представление о должном мироустройстве, стремление к какой бы то ни было стабилизации — снова окажется значимым для всех игроков. Это должно вести к возвращению идеологии, частичному отказу от прагматизма во имя ценностей при понимании их условности. В каких-то случаях результатом может быть превращение прагматизма как такового в самодостаточную ценность.

4. Объективно происходящее размывание границ, в том числе между внутренней и внешней политикой, усиление их взаимозависимости будут продолжаться, перемежаясь при этом

с попытками укрепления суверенитетов отдельных игроков, попытками изоляционизма.

5. Подобные подвижность и неустойчивость при стремлении каждого игрока к укреплению собственной идентичности будут вести к повышению тревожности, а следовательно, и к нарастанию секьюритизации международных отношений. Центральной в этих условиях станет проблема поиска общего набора вызовов и угроз, который бы мог создать основу для позитивного взаимодействия.

Пространство ЗАСА, по всей видимости, не может избежать вовлечения в этот вездесущий мир неомодерна, однако какое место оно в нем занимает, как определяет себя, как новые веяния проявляются там — все эти вопросы требуют специального рассмотрения.

Как представляется, «промежуточность», неустойчивость нового состояния проявляются прежде всего в сосуществовании в ЗАСА как минимум двух региональных/цивилизационных политических идентичностей, порожденных разными временами и предписывающих выстраивание совершенно разных моделей политического поведения.

Первая из них — ближневосточная.

ЗАСА как Ближний Восток

Как справедливо отмечают В.Г. Барановский и В.В. Наумкин, «появление региональной ближневосточной идентичности стало ключевым фактором регионального мегатренда XX в. — формирования Ближнего Востока как единого политического региона» [Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте, 2018: 12]. Развивая эту мысль, авторы показывают, как в результате колониализма и антиколониальной борьбы изначально разделенное как минимум на четыре субрегиона пространство ЗАСА превратилось в современный Ближний Восток.

Поскольку и сам колониализм, и порожденное им национально-освободительное движение в странах Востока, естественно, были явлениями модерна, продуктами европейской эпохи Просвещения (отсюда и их идеологическая наполненность), ближневосточный регион также может рассматриваться как явление модерна.

В качестве некоего политического единства он возник в середине XX в. — в период обретения независимости большинством арабских государств. При этом драйверами его формирования

были, во-первых, арабский национализм, провозгласивший единство всех арабских стран, во-вторых, появление Израиля, борьба с которым на первых порах стала важным фактором консолидации арабов и укрепления их общей идентичности, и в-третьих, антиколониальный пафос молодых независимых государств. На протяжении последующих десятилетий границы региона расширялись: его неотъемлемыми элементами стали сначала обретшие независимость несколько позже других малые арабские государства Залива, затем отказавшийся от прозападного пути развития Иран и постепенно переориентировавшаяся на Юг Турция. Наконец, частью БВ оказался и Израиль, пусть изначально и воспринимавшийся географическими соседями антагонистически.

Будучи политическим регионом, БВ обладает довольно четкой внутренней структурой. В нем явно выделяются центр (Ирак, Сирия, Египет), периферия (Магриб), фронтиры (Мавритания, Судан). Ослабление регионального ядра и усиление флангов (Турция, Иран, Саудовская Аравия) стали, пожалуй, наиболее важным мотивом реформирования БВ в XXI в.

Архитектура международных отношений, сложившихся в этот период в регионе, определялась спецификой путей его формирования и также была своеобразным продуктом модерна.

Прежде всего, она несла (и все еще несет) в себе ярко выраженный отпечаток постколониализма. Ярче всего это проявлялось в зависимости от внерегиональных акторов, всегда обеспечивавших региональную безопасность (сначала колониальные державы, после — США и СССР, затем — только США), и в постоянном апеллировании к ним при выстраивании внешней политики региональными державами. Характерно в этом отношении, что успешное проведение Россией операции в Сирии и непоследовательность американских действий в регионе в период администраций Б. Обамы и Д. Трампа привели, среди прочего, и к очевидному сближению Москвы с Эр-Риядом [Katz, 2018], а также с Дохой [Qatar-Russia relations touch new heights, 2018], хотя обе аравийские монархии на момент начала сирийской кампании были настроены к Москве чрезвычайно критически [Lucas, 2015: 5–6]. Страх саудовских элит перед Ираном и стремление Катара укрепить собственную безопасность перед лицом саудовской угрозы толкают их к поиску новых внерегиональных партнеров, потенциально способных к военному участию в делах БВ.

Другая важная черта ближневосточной подсистемы — это то, что ключевыми элементами ее организации во вполне модер­нистском духе были государства.

Формально претендующие на статус nation-states, они всегда отличались институциональной слабостью. В результате формируемая ими система, внешне воспроизводившая европейский опыт с его мощными государствами и исторически сложившейся пространственной организацией, никогда не могла быть реализована в полной мере. Результатом становилась подмена государствоцентризма режимоцентризмом и персонализмом, при которых реальными субъектами подсистемы выступали политические режимы, зачастую воплощенные конкретными лидерами. Отчасти это напоминает европейскую ситуацию XIX в. с ее «концертом держав». Персонализм при этом оказывает непосредственное влияние на региональные связи. Так, жесткая позиция аравийских монархов по Ливии в значительной степени была продиктована негативным личным отношением к ливийскому лидеру М. Каддафи¹¹, а одной из причин катарского кризиса считается личный конфликт между наследным принцем Саудовской Аравии Мухаммедам бен Салманом и эмиром Катара¹². Институциональная слабость расположенных на БВ государств препятствовала формированию не только мощных наднациональных структур, но и сколь-либо эффективных межгосударственных политических организаций, способных вывести региональное сотрудничество на новый уровень.

С предыдущей характеристикой связана и важность фактора нациестроительства в регионе, выстраивания мощных национальных (общеарабских, субрегиональных или страновых) исторических нарративов, которые в теории должны утверждать идею национального суверенитета отдельных государств. Этим обусловлены значимая роль символической политики в международных отношениях в регионе [Звягельская, 2019], соперничество исторических нарративов во внешней политике региональных держав.

---

¹¹ Slackman M. Dislike for Qaddafi gives Arabs a point of unity // The New York Times. 2011. Available at: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/2011/03/22/world/africa/22arab.html>. (accessed: 01.02.2019).

¹² Ramesh R. The long-running family rivalries behind the Qatar crisis // The Guardian. 2017. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2017/jul/21/qatar-crisis-may-be-rooted-in-old-family-rivalries> (accessed: 15.02.2019).

Своеобразным следствием этого и проявлением стремления к выстраиванию «больших нарративов» становится присущий ближневосточной подсистеме эксклюзивизм: «дружба против» одного из расположенных здесь же государств всегда была одним из краеугольных камней региональных отношений. И хотя изгоями становились в разное время разные страны — Израиль, Ирак, в последнее время — Иран, само наличие изгоя было всегда *sine qua non* региональной консолидации. Характерно в этом отношении, что главным мотивом возрождения арабского национализма сегодня становится именно стремление объединиться против Ирана [Bin Saqer, 2016]. Фактически на этом построена вся концепция «арабского НАТО», противостоящего Ирану — этакому «персидскому СССР» (что, конечно, очень иронично, если учесть восприятие «малого Сатаны» в Исламской Республике).

Описанные характеристики определили и то, что важнейшим драйвером регионального развития было и остается соперничество между державами за региональное лидерство. Примечательны в этом соперничестве несколько моментов. Во-первых, отсутствие очевидного лидера при переизбытке претендентов на лидерские позиции. Во-вторых, относительная слабость каждого из претендентов, заставляющая его, с одной стороны, чрезвычайно ревностно воспринимать возможность вмешательства в его внутренние дела, что способно привести к дестабилизации политического режима, а с другой — постоянно апеллировать к помощи внерегиональных игроков. В-третьих, постепенное изменение состава претендентов на лидерство при внутренней хрупкости каждого из них, делающей невозможным формирование гармоничного «регионального концерта». Каждое из государств, рассматриваемых сегодня в качестве региональных столпов, — Турция, Иран, Израиль, Саудовская Аравия, Египет — обладает серьезными ограничителями регионального влияния и сталкивается с растущими рисками политической и социально-экономической стабильности. Кроме того, все они вынуждены оглядываться на государства «второго эшелона», в принципе, также не лишённые лидерских амбиций: ОАЭ, Катар, а потенциально и Ирак.

В целом для БВ как региона, воплощающего модернистскую модель международных отношений, характерно и свойственное эпохе модерна сочетание анархических принципов выстраивания региональных отношений, ярко выраженного прагматизма, реализма во внешнеполитическом поведении ключевых игроков

с воспроизводимыми ими ценностно ориентированными внешнеполитическими стратегиями. Когда-то поддержка насеровским Египтом или баасистскими режимами дружественных им арабских националистических движений, а сейчас поддержка Ираном шиитских меньшинств и политических структур в странах региона, Саудовской Аравией — салафитских сообществ и организаций, а Катаром и Турцией — «Братьев-мусульман» воспроизводят практики помощи в странах «третьего мира» коммунистическим движениям со стороны Советского Союза или же со стороны государств Запада — движениям демократическим. Несмотря на все противоречия между реализмом и идеализмом во внешней политике, и то, и другое, вне всякого сомнения, — черты, свойственные именно модернистским проектам.

При том что в системе международных отношений БВ присутствует вполне очевидно, сама его модернистская концепция в последние годы перестала быть столь определенной, как раньше.

Прежде всего, в XXI в. обозначилась тенденция к разрушению внутренней структуры региона и размыванию его границ. Первое проявилось в уже упоминавшемся кризисе государств центра (конфликты в Ираке и Сирии, политический и экономический кризис в Египте), а еще ранее — в фактическом упразднении эксклюзивистской модели и снижении консолидации между основными странами региона. Ни одна из существующих сегодня в ЗАСА линий противостояния не позволяет объединить большинство региональных игроков в борьбе с кем-то одним. Более того, каждый существующий альянс оказывается не только ситуативным, но и секторальным. Так, находясь в жесткой оппозиции Тегерану по военно-политическим вопросам, ОАЭ рассматривают его как важнейшего экономического партнера¹³.

Свидетельствами размывания границ региона стали, с одной стороны, появление различных альтернативных проектов организации данного пространства (например, можно вспомнить концепцию «Большого Ближнего Востока», предложенную американскими неоконсерваторами), а с другой — укрепление в некоторых частях БВ трансрегионального сотрудничества (в частности, Магриб–ЕС), зачастую более эффективного, чем внутрирегиональное (провал фактически заморозившего свою деятельность в 1994 г. Союза арабского Магриба).

---

¹³ Cafiero G. Trouble brews between the UAE and Iran // Inside Arabia. 13.02.2019. Доступ: <https://insidearabia.com/trouble-brews-uae-iran/> (дата обращения: 11.07.2019).

В это же время дала трещину система аутсорсинга безопасности. Оставшись в одиночестве, США оказались не способны поддерживать хрупкий региональный баланс сил. Осуществленное ими военное вторжение в Ирак не принесло должных результатов, превратив эту страну в источник новых угроз, и обернулось непомерными финансовыми и репутационными затратами. Каирская речь Б. Обамы в 2009 г.¹⁴, воспринятая в Тель-Авиве как антиизраильская [Согрин, 2014: 59–60], неготовность Вашингтона поддержать дружественный ему режим Х. Мубарака в 2011 г., попытки сближения с Ираном были восприняты региональными союзниками Белого дома (Израилем, Египтом при А. ас-Сиси, Саудовской Аравией) как предательство¹⁵. Бесконечная интрига Д. Трампа вокруг признания Иерусалима столицей Израиля и предстоящего заключения «сделки века» в совокупности с новым антииранским курсом, отказом от СВПД¹⁶ и откровенным транзакционизмом в отношении Эр-Рияда и Дохи положения дел не улучшили.

Вместе с тем ни один другой внерегиональный актор, включая Россию, заменить США в регионе сегодня не готов.

Все эти и некоторые другие явления [Кузнецов, 2017] свидетельствовали о переходе ЗАСА в состояние постмодерна, при котором все черты модернистского устройства БВ оказались поставлены под сомнение, а сам регион, формально сохраняясь, постепенно утрачивал свои ключевые характеристики, превращаясь в этакий failed region.

ЗАСА как часть исламского мира

Одновременно с размытием модернистского концепта БВ все отчетливее стала проявляться его альтернатива, в сущности своей домодерная — концепция ЗАСА как части исламского мира.

---

¹⁴ Выступление президента США о новой странице в отношениях. Каирский университет (Каир, Египет) // Белый дом. 04.06.2009. Доступ: https://obamawhitehouse.archives.gov/files/documents/aneewbeginning/SPEECH_as_delivered-Russian.pdf (дата обращения: 11.07.2009).

¹⁵ Например: Nazer F. Clinton, Trump, and Riyadh. How Saudi Arabia sees the U.S. presidential election // Foreign Affairs. 28.03.2016. Доступ: <https://www.foreignaffairs.com/articles/saudi-arabia/2016-03-28/clinton-trump-and-riyadh> (дата обращения: 11.07.2019).

¹⁶ Совместный всеобъемлющий план действий — политическое соглашение между Ираном и группой государств, известных как 5+1, относительно ядерной программы Ирана.

В работах, посвященных формированию нового миропорядка, в особенности в тех из них, в которых рассматривается перспектива его полицентричной организации, довольно часто встречается упоминание о возможности образования некоего исламского полюса мировой политики. И хотя авторы, описывая исламский мир, неизменно подчеркивают исходящие из него угрозы, отмечают дефицит его международной субъектности, обращают внимание на множество содержащихся в нем внутренних противоречий [Наумкин, 2008: 485], они, кажется, готовы признать за ним потенциальную способность к консолидации. Эта идея встречается не только у не раз подвергавшегося жесткой критике со стороны востоковедов С. Хантингтона, но и у его оппонентов, включая российских. Так, В.Г. Барановский, хотя и пишет, что внутренняя фрагментация исламского мира «по страновым, клановым и профессиональным основаниям делает образ “столкновения цивилизаций” метафорой, вряд ли пригодной для описания системы международных отношений как на глобальном уровне, так и в региональных контекстах» [Барановский, 2017: 77], все же относит его к числу возможных центров влияния.

Одной из последних отечественных работ на эту тему стала статья Л.Л. Фитуни и И.О. Абрамовой, в которой авторы попытались увидеть в мировой экономике тенденцию к формированию ее «мусульманского полюса» [Фитуни, Абрамова, 2018].

Проблема, с которой сталкивается любой автор, рассуждающий на тему исламского центра в мировой политике, состоит в том, что средневековая идея исламского мира (*дар аль-ислам*) плохо соотносится с порожденными европейским модерном концепциями миропорядка: его ключевыми элементами могут быть государства, региональные структуры, негосударственные акторы, но никак не цивилизационные общности.

Конечно, на протяжении XX в. и в ЗАСА, и за его пределами существовала тенденция к модернизации концепции *дар аль-ислам*, ярчайшим проявлением чего стало создание в 1969 г. Организации Исламская конференция (с 2011 г. — Организация исламского сотрудничества), превратившейся сегодня во вторую после ООН правительственную международную организацию в мире по числу участников (57 государств). Еще ранее, хотя и не столь очевидно, стремление придать исламу субъектность проявилось в деятельности некоторых исламистских движений,

таких как «Братья-мусульмане», пытавшихся в своей идеологии и практической активности соединить идею исламской уммы с концепциями европейского национализма, а также в деятельности основателя Пакистана Мухаммеда Али Джинны — автора теории «двух наций». Все эти проекты свидетельствовали, с одной стороны, о сохранении в среде мусульманских интеллектуалов стремления обратиться именно к конфессиональной идентичности в международной практике, а с другой — об их желании переосмыслить собственный культурный опыт через призму впитанной западной социально-политической теории (насколько искренними были эти усилия, а насколько речь шла о необходимости «перевода» европейской мысли на язык, понятный большинству населения соответствующих стран, — другой вопрос). Однако в результате всех этих попыток так и не удалось преодолеть фундаментальное противоречие между современным развитием системы международных отношений и средневековыми теоретическими построениями. Явственным свидетельством неуспеха стало то, что исламские экономические институты так и не смогли занять доминирующее положение даже в самих мусульманских странах.

Вместе с тем нельзя не отметить и сохранения чисто домодерного представления о существовании исламского мира, и никогда не прекращавшихся в определенной среде попыток интерпретации реальности именно через призму этого представления.

Его основой было то, что Османская империя и более ранние арабо-мусульманские государства не просто были религиозными, но идентифицировали себя прежде всего по религиозному признаку. Формально они даже обозначали себя не как государства, а как *дар аль-ислам*. Соответственно чисто гипотетически власть халифа распространялась не столько на конкретную территорию, сколько на всех мусульман мира. «Обитель ислама» в традиционной исламской политической теории противопоставлялась *дар аль-харб* — «Обители войны» (т.е. территории, на которую должна распространиться власть ислама) и *дар ас-сульх* — «Обители договора» (т.е. территории, где мусульмане, не имея политического превосходства, все же могут свободно исповедовать свою веру).

В XXI в. остававшиеся ранее маргинальными религиозно-политические интерпретации международных отношений в ЗАСА стали обретать все большую популярность, отчасти реализуясь

в политической практике, отчасти разрабатываясь в теоретическом поле.

В политической практике можно назвать как минимум три проявления реализации подобных интерпретаций: деятельность «ДАИШ»¹⁷, «Аль-Каиды» и других как джихадистских, так и не джихадистских сетевых исламистских организаций; использование религиозного дискурса для консолидации региональных акторов в борьбе с общими угрозами («Суннитская коалиция», шиитская в сущности «Ось сопротивления» и др.); укрепление внутритерриториальной конфессиональной идентичности в мусульманских общинах за пределами собственно исламского мира.

В теоретическом поле речь идет об усиленной разработке отдельных вопросов исламской политической теологии в последние годы, включая так называемую теологию джихада. Ожесточенные баталии между различными школами богословов, обеспечивавших концептуально-правовую деятельность джихадистских организаций («Аль-Каиды» и «ДАИШ» в первую очередь) [Гасымов, 2015; Bunzel, 2015], не в меньшей мере, чем объективно сформировавшиеся новые социально-политические условия, мотивировали к интеллектуальным поискам и лоялистски настроенных улемов в разных странах.

Несомненно, важной вехой при этом оказалось то, что все эти интеллектуальные поиски в последние годы выходят за пределы собственно религиозной интеллектуальной среды, становясь элементами более широких интерпретаций международных процессов в ЗАСА. Так, сама идея анализа региональных процессов через призму конфессионализма (как противостояния шиитов с суннитами, мусульман с западными «крестоносцами»), а вместе с тем и мысль о необходимости поддержки тех или иных конфессиональных групп со стороны как региональных, так и нерегинальных акторов никак не связаны с модернистским пониманием международных отношений. Подобные представления были порождены именно исламским их видением.

Постепенное укрепление домодерной концепции исламского мира волей-неволей ставит вопрос о специфических чертах миропорядка, свойственных соответствующему подходу.

---

¹⁷ Запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация.

Как представляется, можно выделить как минимум пять его основных черт, каждая из которых должна, разумеется, интерпретироваться очень по-разному.

Во-первых, это представление о фундаментальном единстве мира, должном соответствии человеческого закона закону Божественному, из чего следуют принципиальное неприятие анархического принципа организации международных отношений, уверенность в необходимом их следовании Божественному замыслу и моральным основаниям бытия.

Во-вторых, это идея примата ценностных оснований политики, священного над мирским, представление о международных отношениях как о взаимодействии между различными конфессиональными группами или, по мысли С. Кутба, между исламом и джахилией (варварством), которые и становятся главными акторами.

В-третьих, это бинарное противопоставление мира веры и мира безверия (*дар аль-куфр*) [Барановский, Наумкин, 2018], конфликт между которыми если и допускает компромиссные решения, то лишь на время, отрицание секуляризма как срединного пути между атеизмом и религиозностью.

В-четвертых, это эсхатологическая уверенность в конечной победе мира веры над миром безверия.

Наконец, в-пятых, это убежденность в не территориальной, а сетевой организации миропорядка. Мир веры и мир безверия — это прежде всего не географические объекты, а человеческие сообщества, одно из которых идет по пути Бога, другое же поклоняется идолам.

Подчеркнем, что все упомянутые специфические черты исламского понимания миропорядка приведены в радикальной трактовке, наиболее ярко высвечивающей их смысловое ядро.

Несмотря на то что говорить о полноценной реализации этого видения в ЗАСА не приходится, отдельные его элементы так или иначе здесь проявляются, причем довольно ярко.

Так, представления о нетерриториальности уммы, примате священного над мирским ярко выражены не только в деятельности исламистских партий и движений (знаменитый «франчайзинг» «ДАИШ», сетевая организация «Аль-Каиды», отчасти — «Братьев-мусульман»), но и в демонстрации исламской солидарности при столкновении с общими для мусульман угрозами (в особенности на символическом уровне), во взаимной

поддержке шиитских меньшинств в странах региона (например, «Хизбалла» и йеменские хуситы) и т.д.

Эсхатологическое видение мира в свою очередь делает возможным проведение гибкой политической линии исламистскими партиями, признание ими демократических практик, временных союзов с внерегиональными игроками и т.п. Такая политика, сталкиваясь с бинарным противопоставлением мира веры и мира неверия, становится источником для подозрений в «двойном дискурсе» исламистов.

* * *

В становящемся мире неомодерна находят проявления самые разные принципы организации международных отношений. И если ближневосточный концепт в пространстве ЗАСА проходит испытание постмодернистским релятивизмом, а отдельные его элементы размываются, то домодерный концепт исламского мира, напротив, вновь становится актуальным.

В мире неомодерна, по всей видимости, эти два проекта будут сосуществовать, несмотря на то что по целому ряду ключевых параметров они противоречат друг другу. В таблице схематично представлены основные линии противостояния.

Именно эта неоднозначность, амбивалентность, не допускающая формирования единой и непротиворечивой региональной подсистемы отношений, и станет важнейшей чертой нового века.

ЗАСА между Ближним Востоком и исламским миром в эпоху неомодерна: линии противоречий

Модерн Характеристики ЗАСА как Ближнего Востока		Домодерн Характеристики ЗАСА как исламского мира		Характеристики неомодерна
Анархический принцип	vs	Единство мира	=	Априорная неустойчивость миропорядка
Национальные государства	vs	Конфессиональные группы	=	Гетерогенность акторов
Национальные нарративы	vs	Религиозные нарративы	=	Важность нарративов
Жесткая региональная архитектура и борьба за лидерство	vs	Нетерриториальность	=	Размывание границ при стремлении к суверенитету

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеевкова Е.С. Хаос и игра без правил: о современном кризисе доверия в отношениях России и Запада // Полития. 2015. № 1 (76). С. 67–81. DOI: 10.30570/2078-5089-2015-76-1-7-67-81.
2. Барабанов О.Н., Бордачев Т.В., Лисоволик Я.Д. и др. Жизнь в осыпающемся мире. Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2018. Доступ: <http://ru.valdaiclub.com/files/22596/> (дата обращения: 05.02.2019).
3. Барановский В.Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 71–91. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.05.
4. Барановский В.Г., Наумкин В.В. «Мир веры» и «мир неверия»: экспансия и редукция религиозности // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 8–31. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.02.
5. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / Отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2018.
6. Богатуров А.Д. Системное и конгломеративное видение современного мира // Современная политическая наука. Методология. М.: Аспект-Пресс, 2018. С. 594–610.
7. Бодрийяр Ж. В тени тысячелетия, или приостановка года 2000. 1998. Доступ: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000326/> (дата обращения: 16.02.2019).
8. Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018.
9. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 30–58. DOI: 10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58.
10. Гантман В.И., Волкова Е.Д., Барановский В.Г. Система, структура и процесс развития международных отношений. М.: Наука, 1984.
11. Гасымов К. Разлад в стане джихадистов: идеологическая борьба Аль-Каиды с организацией «Исламское государство» // Индекс безопасности. 2015. № 3 (114). С. 61–82.
12. Дунаев А.Л. Понятия «система» и «порядок» в историографии международных отношений: трудности интерпретации // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 2. С. 4–22.
13. Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении. М.: Аспект-Пресс, 2018.
14. Звягельская И.Д. Символы и ценности в международных отношениях на Ближнем Востоке // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 105–123. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.08.
15. Звягельская И.Д., Кузнецов В.А. Государственность на Ближнем Востоке. Будущее началось вчера // Международные процессы. 2017. № 15 (4). С. 6–19. DOI 10.17994/IT.2017.15.4.51.1.
16. Иванов А.В. «Множественные современности»: диалектика единства и разнообразия в эпоху глобализации // Фундаментальные исследования. 2014. № 6. С. 654–659.

17. Картунов А.В. От постмодернизма к неомодернизму, или воспоминания о будущем // РСМД. 30.01.2017. Доступ: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili-vospominaniya-o-budushch/> (дата обращения: 15.01.2019).

18. Косолапов Н.А. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7. С. 3–14.

19. Кузнецов В.А. После постмодерна: ближневосточное измерение одного тренда // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 25–37.

20. Лапкин В.В. О национальном vs имперском обустройстве современного миропорядка // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 37–55. DOI: 10.17976/jpps/2018.04.04.

21. Махмутов Т.А., Мамедов Р.Ш. Предложения к формированию системы региональной безопасности в Западной Азии и Северной Африке. Российский совет по международным делам: Рабочая тетрадь. 2017. № 38.

22. Наумкин В.В. Ислам как коллективный игрок? // Ислам и мусульмане: культура и политика (статьи, очерки и доклады разных лет). М.; Нижний Новгород: Медина, 2008. С. 483–502.

23. Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. Политические исследования. 2018. № 8. С. 32–46. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.03.

24. Согрин В.В. Барак Обама: внешняя политика либерального прогрессиста // Общественные науки и современность. 2014. № 3. С. 57–72.

25. Фененко А.В. История международных отношений: 1648–1945. М.: Аспект-Пресс, 2018.

26. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Мусульманский полюс мировой экономики и джинн глобализации // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 4 (61). С. 55–77. DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-55-77.

27. Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «арабской весны». М.: Международные отношения, 2015.

28. Axworthy M., Milton P. A Westphalian peace for the Middle East // Foreign Affairs. 2016. Available at: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2016-10-10/westphalian-peace-middle-east?fbclid=IwAR3F61jVm485HGTWymw65jdbY4OG5w-QUrAO0X1LpF_bWW4AtcyWpZ2D3A (accessed: 01.02.2019).

29. Aydin C. The idea of the Muslim world. A global intellectual history. Cambridge: Harvard University Press, 2017.

30. Bin Saqer A. Al-Khalij fi ‘am 2014–2015. Al-Ittihad al-khalijiy al-‘arabiy huwa-l-mustaqbal. Qadaya al-aman wa-l-difa’ fi duwal al-majlis al-ta’aun al-khalidjiy. Jeddah: Markaz al-khalidjiy li-l-abhath, 2016. Available at: http://www.grc.net/data/contents/uploads/Dr_Sager_paper_3507.pdf (accessed: 09.02.2019).

31. Bourriaud N. Altermodern: Tate triennial 2009. London: Tate Publishing, 2009.

32. Bunzel C. From Paper State to Caliphate: The ideology of the Islamic State. The Brookings project on U.S. relations with the Islamic World. Analysis Paper. 2015. No. 19.

33. Dussel E.D. Transmodernity and interculturality: An interpretation from the perspective of philosophy of liberation // *Transmodernity: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World*. 2012. No. 1 (3). P. 28–55.
34. Eisenstadt S.N. Multiple modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. No. 1. P. 1–29.
35. Haas R. The age of nonpolarity. What will follow U.S. dominance // *Foreign Affairs*. 2008. Available at: <http://www.cfr.org/united-states/age-nonpolarity/pl6034> (accessed: 05.02.2019).
36. Haas R. The unraveling: How to respond to a disordered world // *Foreign Affairs*. 2014. No. 93 (6). P. 70–79.
37. Harrison R. Toward a regional framework for the Middle East. Takeaways from other regions. MEI Policy. 2016. No. 10. Available at: https://www.mei.edu/sites/default/files/publications/PP10_Harrison_RCS_regionalframework_web_1.pdf (accessed: 15.02.2019).
38. Hutcheon L. *The politics of postmodernism*. New York; London: Routledge, 2002.
39. Kamel L. There is no Thirty Years' War in the Middle East // *National Interest*. 2019. Available at: <http://nation-alinterest.org/feature/there-no-thirty-years-war-the-middle-east-17513> (accessed: 10.02.2019).
40. Katz M. Balancing act: Russia between Iran and Saudi Arabia // *Middle East Centre Blog*. 07.05.2018. Available at: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/06/26/balancing-act-russia-between-iran-and-saudi-arabia/> (accessed: 07.05.2018).
41. Kirby A. *Digymodernism. How new technologies dismantle the postmodern and reconfigure our culture*. London: Continuum, 2009.
42. Kuznetsov V. Western Asia and North Africa in the neo-modernity context: Between the Middle East and the Islamic World // *Russia in Global Affairs*. 2019. No. 1. P. 124–146.
43. Lucas S. *The effects of Russian intervention in the Syria crisis*. Birmingham, UK: GSDRC, University of Birmingham, 2015.
44. Mahbubani K. How the ASEAN 'miracle' is a model for the Middle East // *Asia Society*. 2017. Available at: <https://asiasociety.org/blog/asia/how-asean-miracle-model-middle-east> (accessed: 11.02.2019).
45. Nye J.S. Jr. *Is the American century over?* Cambridge, Malden: Polity Press, 2015.
46. Qatar-Russia relations touch new heights // *The Peninsula*. 2018. Available at: <https://thepeninsulaqatar.com/article/02/08/2018/Qatar-Russia-relations-touch-new-heights> (accessed: 02.01.2019).
47. Samuels R. Auto-modernity after postmodernism: Autonomy and automation in culture, technology, and education // *Digital Youth, Innovation, and the Unexpected* / Ed. by T. McPherson. Cambridge: The MIT Press, 2008. DOI: 10.1162/dmal.9780262633598.219.
48. Sazak C.S. No Westphalia for the Middle East // *Foreign Affairs*. 2016. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2016-10-27/no-westphalia-middle-east?fbclid=IwAR0CqSLEdwyYxL13orIVbP71PECF3jvyBRNJRrRUZvQZXAzGTiq64uLm7s> (accessed: 07.02.2019).
49. Vermeulen T., Akker R. Van der. Notes on metamodernism // *Journal of Aesthetics & Culture*. 2010. Vol. 2. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677.

V.A. Kuznetsov

**FROM THE OCEAN TO THE GULF:
ONE REGION'S IDENTITY
IN THE CONTEXT OF NEOMODERNITY**

*Institute of Oriental Studies
12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031*

The paper examines specific features of international relations in Western Asia and North Africa (WANA) in a broader context of transformation of the contemporary international relations system. The author approaches the issue of a new world order emergence within the framework of fundamental changes taking place in the public sphere. In the paper these processes are considered in terms of transition from postmodernity to neomodernity. On the basis of critical examination of postmodernist writings the author defines the phenomenon of neomodernity and outlines its key features. This approach provides a new perspective on the essence and possible contours of the emerging new world order. According to the author, its key characteristics are to include volatility, flexibility, and instability which, in their turn, will engender a multitude of collective identities and a multitude of foreign policy narratives, a growing role of ideological factors and an increasing securitization of international relations. The author demonstrates that these transformational changes have already taken place in the WANA region and the concept of neomodernity allows to identify two coexisting patterns of political self-identification and, correspondingly, two possible scenarios for the development of a regional IR system. The first pattern considers the WANA region in a traditional modernist sense as the Middle East, whereas the second one accentuates its premodern features and conceptualizes it as part of the Islamic world. The concepts of the Middle East and of the Islamic world present fundamentally different perspectives on the nature of actors, the role of political narratives, the attitude towards borders and sovereignty, and on the very foundations of the world order. And if the former is put to the test by postmodernist relativism in the WANA space and some of its basic elements are eroding, the latter, on the contrary, regains its relevance. The author emphasizes that within the framework of neomodernity these two concepts may evolve in parallel, transforming uncertainty and ambivalence of the regional IR subsystem into major feature of a new century.

Keywords: Western Asia and North Africa, WANA, neomodernity, the Middle East, the Islamic world, postmodernism, premodernity, the world order.

About the author: *Vassily A. Kuznetsov* — PhD (History), Head of the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, the

Russian Academy of Sciences; Associated Professor at the Chair of Regional Issues of the World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vasiakuznets@yandex.ru).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project №17-18-01614.

REFERENCES

1. Alekseenkova E.S. 2015. Khaos i igra bez pravil: O sovremennom krizise doveriya v otnosheniyakh Rossii i Zapada [Chaos and game without rules: On modern crisis of trust in relations between Russia and the West]. *Politika*, no. 1 (76), pp. 67–81. DOI: 10.30570/2078-5089-2015-76-1-7-67-81. (In Russ.)
2. Barabanov O.N., Bordachev T.V., Lisovolik Ya.D. 2018. *Zhizn' v osypayushchemsya mire*. [Living in a crumbling world]. Valdai Discussion Club Report. Available at: <http://valdaiclub.com/files/20155/> (accessed: 05.02.2019). (In Russ.)
3. Baranovskii V.G. 2017. Transformatsiya global'nogo miroponyadka: dinamika sistemnykh izmenenii [Transformation of global world order: Dynamics of systemic changes]. *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 71–91. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.05. (In Russ.)
4. Baranovskii V.G., Naumkin V.V. 'Mir very' i 'mir neveriya': ekspansiya i reduktsiya religioznosti [World of faith and world of disbelief: Expansion and reduction of religiosity]. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 8–31. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.02. (In Russ.)
5. Baranovskii V.G., Naumkin V.V. (eds.). 2018. *Blizhnii Vostok v menyayushchemsya global'nom kontekste* [The Middle East in the changing global context]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)
6. Bogaturov A.D. 2018. Sistemnoe i konglomerativnoe videnie sovremennogo mira [Systemic and conglomerative vision of the contemporary world]. In *Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya* [Contemporary political science. A methodology]. Moscow, Aspekt-Press Publ., pp. 594–610. (In Russ.)
7. Bodriiyar Zh. 1998. *V teni tysyacheletiya, ili priostanovka goda 2000* [In the shadow of the millennium (or the suspense of the year 2000)]. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000326/> (accessed: 16.02.2019). (In Russ.)
8. Vasil'ev A.M. 2018. *Ot Lenina do Putina. Rossiya na Blizhnem i Srednem Vostoke* [From Lenin to Putin. Russia in the Near and Middle East]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ. (In Russ.)
9. Voskresenskii A.D. 2012. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsistem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsii v sovremennykh mezhduнародnykh otnosheniyakh [Concepts of regionalization, regional subsystems, regional complexes and regional transformations in contemporary IR]. *Comparative Politics Russia*, no. 2 (8), pp. 30–58. DOI: 10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58. (In Russ.)
10. Dunaev A.L. 2013. Ponyatiya 'sistema' i 'poryadok' v istoriografii mezhdunarodnykh otnoshenii: trudnosti interpretatsii ['System' and 'order' in historiography of international relations: Challenges of conceptual interpretation]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 2, pp. 4–22. (In Russ.)

11. Gantman V.I., Volkova E.D., Baranovskii V.G. 1984. *Sistema, struktura i protsess razvitiya mezhdunarodnykh otnoshenii* [System, structure and the development of international relations]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
12. Gasyimov K. 2015. Razlad v stane dzhikhadistov: ideologicheskaya bor'ba Al'-Kaidy s organizatsiei 'Islamskoe gosudarstvo' [A discord among the jihadists: Ideological struggle between Al-Qaeda and ISIS]. *Indeks bezopasnosti*, no. 3 (114), pp. 61–82. (In Russ.)
13. Zvyagel'skaya I.D. 2018. *Blizhnii Vostok i Tsentral'naya Aziya: global'nye trendy v regional'nom ispolnenii* [Middle East and Central Asia: Global trends in regional execution.]. Moscow, Aspekt-Press Publ. (In Russ.)
14. Zvyagel'skaya I.D. 2019. Simvoly i tsennosti v mezhdunarodnykh otnosheniyakh na Blizhnem Vostoke [Symbols and values in international relations in the Middle East]. *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 105–123. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.08. (In Russ.)
15. Zvyagel'skaya I.D., Kuznetsov V.A. 2017. Gosudarstvennost' na Blizhnem Vostoke. Budushchee nachalos' vchera [Statehood in the Middle East: The future which started yesterday]. *International trends*, no. 15 (4), pp. 6–19. DOI 10.17994/IT.2017.15.4.51.1. (In Russ.)
16. Ivanov A.V. 2014. 'Mnozhestvennye sovremennosti': dialektika edinstva i raznoobraziya v epokhu globalizatsii [Multiple modernities: Dialectic of unity and diversity in the era of globalization]. *Fundamental'nye issledovaniya*, no. 6, pp. 654–659. (In Russ.)
17. Kortunov A.V. 2017. *Ot postmodernizma k neomodernizmu, ili vospominaniya o budushchem* [From post-modernism to neo-modernism]. Russian International Affairs Council. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili-vospominaniya-o-budushchem/> (accessed: 15.01.2019). (In Russ.)
18. Kosolapov N.A. 2005. Rossiya: territoriya v prostranstvakh globaliziruyushchegosya mira [Russia: Territory in spaces of globalizing world]. *World Economy and International Relations*, no. 7, pp. 3–14. (In Russ.)
19. Kuznetsov V.A. 2017. Posle postmoderna: blizhnevostochnoe izmerenie odnogo trenda [After postmodernism: Middle Eastern dimension of one trend]. *Vostok (Oriens)*, no. 3, pp. 25–37. (In Russ.)
20. Lapkin V.V. 2018. O natsional'nom vs imperskom obustroistve sovremenogo miroporyadka [Nation vs empire in the modern world order]. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 37–55. DOI: 10.17976/jpps/2018.04.04. (In Russ.)
21. Makhmutov T.A., Mamedov R.Sh. 2017. *Predlozheniya k formirovaniyu sistemy regional'noi bezopasnosti v Zapadnoi Azii i Severnoi Afrike* [Proposals on building a regional security system in West Asia and North Africa]. Russian International Affairs Council. No. 38. (In Russ.)
22. Naumkin V.V. 2008. Islam kak kollektivnyi igrok? [Islam as a collective actor?]. In *Islam i musul'mane: kul'tura i politika* [Islam and Muslims: Culture and politics]. Moscow, Nizhnii Novgorod, Medina Publ., pp. 483–502. (In Russ.)
23. Nikitin A.I. 2018. Sovremennyy miroporyadok: ego krizis i perspektivy [Modern world order: Its crisis and prospects] *Polis. Political Studies*, no. 8, pp. 32–46. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.03. (In Russ.)
24. Sogrin V.V. 2014. Barak Obama: vneshnyaya politika liberal'nogo progressista [Barak Obama: Foreign policy of a progressive liberal]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 57–72. (In Russ.)

25. Fenenko A.V. 2018. *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: 1648–1945* [History of international relations, 1648–1945]. Moscow, Aspekt-Press Publ. (In Russ.)
26. Fituni L.L., Abramova I.O. 2018. Musul'manskii polyus mirovoi ekonomiki i dzhinn globalizatsii [Muslim pole of the world economy and the genie of globalization]. *MGIMO Review of International Relations*, no. (61), pp. 55–77. DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-55-77. (In Russ.)
27. Shumilin A.I. 2015. *Politika SShA na Blizhnem Vostoke v kontekste 'arabskoi vesny'* [U.S. policy in the Middle East in the context of the Arab Spring]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
28. Axworthy M., Milton P. 2016. A Westphalian peace for the Middle East. *Foreign Affairs*. Available at: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2016-10-10/westphalian-peace-middle-east?fbclid=IwAR3F61jVm485HGTWymw65jdbY4OG5w-QUrAO0X1LpF_bWW4AtcyyWpz2D3A (accessed: 01.02.2019).
29. Aydin C. 2017. *The idea of the Muslim world. A global intellectual history*. Cambridge, Harvard University Press.
30. Bin Saqer A. 2016. *Al-Khalij fi 'am 2014–2015. Al-Ittihad al-khalijiy al-'arabiy huwa-l-mustaqbal. Qadaya al-aman wa-l-difa' fi duwal al-majlis al-ta'aun al-khalidjiy*. Jeddah, Markaz al-khalidjiy li-l-abhath. Available at: http://www.grc.net/data/contents/uploads/Dr_Sager_paper_3507.pdf (accessed: 09.02.2019). (In Arab.)
31. Bourriaud N. 2009. *Altermodern: Tate triennial 2009*. London, Tate Publishing.
32. Bunzel C. 2015. *From Paper State to Caliphate: The ideology of the Islamic State*. The Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World. Analysis Paper. No. 19.
33. Dussel E.D. 2012. Transmodernity and interculturality: An interpretation from the perspective of philosophy of liberation. *Transmodernity: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World*, no. 1 (3), pp. 28–55.
34. Eisenstadt S.N. 2000. Multiple modernities. *Daedalus*, vol. 129, no. 1, pp. 1–29.
35. Haass R. 2008. The age of nonpolarity. What will follow U.S. dominance. *Foreign Affairs*. Available at: <http://www.cfr.org/united-states/age-nonpolarity/p16034> (accessed: 05.02.2019).
36. Haass R. 2014. The unraveling: How to respond to a disordered world. *Foreign Affairs*, no. 93 (6), pp. 70–79.
37. Harrison R. 2016. *Toward a regional framework for the Middle East. Takeaways from other regions*. MEI Policy. No. 10. Available at: https://www.mei.edu/sites/default/files/publications/PP10_Harrison_RCS_regionalframework_web_1.pdf (accessed: 15.02.2019).
38. Hutcheon L. 2002. *The politics of postmodernism*. New York, London, Routledge.
39. Kamel L. 2019. There is no Thirty Years' War in the Middle East. *National Interest*. Available at: <http://nation-alinterest.org/feature/there-no-thirty-years-war-the-middle-east-17513> (accessed: 10.02.2019).
40. Katz M. 2018. Balancing act: Russia between Iran and Saudi Arabia. *Middle East Centre Blog*. Available at: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/06/26/balancing-act-russia-between-iran-and-saudi-arabia/> (accessed: 07.05.2018).
41. Kirby A. 2009. *Digymodernism. How new technologies dismantle the postmodern and reconfigure our culture*. London, Continuum.

42. Kuznetsov V. 2019. Western Asia and North Africa in the neo-modernity context: Between the Middle East and the Islamic World. *Russia in Global Affairs*, no. 1, pp. 124–146.
43. Lucas S. 2015. *The effects of Russian intervention in the Syria crisis*. Birmingham, UK, GSDRC, University of Birmingham.
44. Mahbubani K. 2017. How the ASEAN ‘miracle’ is a model for the Middle East. *Asia Society*. Available at: <https://asiasociety.org/blog/asia/how-asean-miracle-model-middle-east> (accessed: 11.02.2019).
45. Nye J.S. Jr. 2015. *Is the American century over?* Cambridge, Malden, Polity Press.
46. Qatar-Russia relations touch new heights. 2018. *The Peninsula*. Available at: <https://thepeninsulaqatar.com/article/02/08/2018/Qatar-Russia-relations-touch-new-heights> (accessed: 02.01.2019).
47. Samuels R. 2008. Auto-modernity after postmodernism: Autonomy and automation in culture, technology, and education. In McPherson T. (ed.). *Digital youth, innovation, and the unexpected*. Cambridge, The MIT Press, pp. 219–240. DOI: 10.1162/dmal.9780262633598.219.
48. Sazak C.S. 2016. No Westphalia for the Middle East. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2016-10-27/no-westphalia-middle-east?fbclid=IwAR0CqSLEdwyYxL13orlVbP71PECF3jvyBRNJRRuZvQZXaAzGTiq64uLm7s> (accessed: 07.02.2019).
49. Vermeulen T., Akker R. Van der. 2010. Notes on metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*, vol. 2. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677.